

Владимир Рафаилович Кабо (1925–2009)

4 июня 2009 г. из Канберры пришло известие о кончине Владимира Рафаиловича Кабо, выдающегося ученого, посвятившего себя исследованию первобытного общества, оставившего яркий след в отечественной этнографической науке. Более 20 лет прослужил он в Ленинградской части ИЭ АН СССР (с 1956 по 1977 гг.), ныне именуемом МАЭ. Но все меньше остается сотрудников в нашем непрестанно обновляющемся коллективе, которые близко знали этого в высшей степени незаурядного человека или хотя бы застали его в ленинградский период его научной карьеры, или запомнили фотографию с изображением молодого Кабо в пилотке, с черными погонами артиллериста, с орденом и гвардейским значком на груди среди портретов других участников

**Елена Владимировна
Иванова**
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
elivan@kunstkamera.ru

войны на стенде в зале заседаний, сохранявшемся до начала нынешнего ремонта. Не стало Николая Александровича Бутинова, соратника Владимира Рафаиловича по баталиям с научным догматизмом на философском семинаре в нашем институте (и сам семинар давно канул в вечность), ушел из жизни почти одновременно с В.Р. Кабо Александр Михайлович Решетов, который зорко следил за деятельностью ученого как одного из важных персонажей творимого им «Биобиблиографического словаря отечественных антропологов и этнографов XX века» и отметил в 1995 г. 70-летие Кабо, уже находившегося за рубежом, статьей в журнале «Кунсткамера».

Мне посчастливилось 15 лет работать с Владимиром Рафаиловичем в кабинете Австралии и Океании на 3-м этаже Кунсткамеры, и я имела возможность наблюдать за тем, как складывалась его судьба после тяжелых испытаний, выпавших на его долю в недавнем прошлом. Уже первые научные работы, написанные им в стенах этого кабинета, показали, что у нас появился талантливый австраловед, обладающий независимым умом и завидной эрудицией. Человек, в натуре которого сочетались доверчивость со скепсисом и мнительностью, познавший предательство того, кто казался другом, Владимир Рафаилович старался обзавестись броней, но природная общительность, да и просто «боевой дух» заставляли его часто сбрасывать защитный покров и становиться мишенью для неожиданных ударов. Будучи «жертвой политического террора в советский период» (см. статью о нем в одноименном биографическом словаре, изданном в С.-Петербурге в 2003 г.), и после реабилитации он был вынужден постоянно защищать свое человеческое достоинство.

Затосковав после смерти своей первой жены Валентины Кабо, Владимир Рафаилович вернулся с дочерью Еленой в родную Москву и служил в московском Институте этнографии, а последние 19 лет своей жизни провел в Австралии. Здесь, вдохновленный встречей с австралийскими аборигенами, о которой мечтал с незапамятных времен, с юношеским пылом отдавался научному творчеству, о чем свидетельствуют опубликованные в этот период на русском языке несколько книг, в которых материализовались концепции, зародившиеся в голове ученого задолго до отъезда на пятый континент. Занесенный в далекую Австралию глубоким профессиональным интересом к аборигенам, Кабо до конца своих дней сохранял духовную связь с Россией, с ее учеными, со старыми друзьями в Москве (где живут его дочь и внуки) и Петербурге.

В.Р. Кабо родился в Москве 14 февраля 1925 г. Его высокообразованные интеллигентные родители Рафаил Михайлович

и Елена Осиповна Кабо оказали на него громадное влияние. Он гордился своим отцом — профессором экономической географии, его любовь к матери, не только ученой (ее специальностью была статистика), но и мудрой и доброй женщине, доходила до ее обожествления.

В 1943 г. пошел на фронт. За участие во взятии Берлина был награжден орденом «Красная звезда».

После демобилизации поступил на исторический факультет Московского университета. Учился вместе с В. Берестовым, В. Яниным, А. Формозовым, Ю.В. Бромлеем, будущей правозащитницей Людмилой Алексеевой, сыном героя Гражданской войны Котовским, двумя Светланами — дочерьми Сталина и Бухарина. Был знаком с одной из дочерей Артема Веселого (загубленного в 1938 г.), а через 40 лет стал мужем внучки писателя, Елены Говор.

Среди его преподавателей были С. Сказкин, Б. Поршнева (прославившийся впоследствии изобретением теории о «снежном человеке» как дожившем до наших дней неандертальце), С.П. Толстов, М.О. Косвен, А.В. Арциховский.

Студенческим годам было суждено оборваться. Летом 1949 г. в археологической экспедиции в Брянской области Кабо спел у костра студенческую песню про пионера и разбойника, за что по доносу одного из слушателей (как потом выяснилось, приятеля-однокурсника) был обвинен в оскорблении достоинства советского пионера, исключен из комсомола и вскоре арестован, посажен в Лефортовскую тюрьму, приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях общего режима.

В Каргопольлаге, после ежедневного подведения итогов рабочего дня на лесоповале, Владимир Рафаилович погружался в чтение. Прочитал всю Библию (ее дал ему Иван Михайлович Крестьянкин, до ареста — священник одного из московских православных храмов, спустя много лет — архимандрит Псково-Печерского монастыря). Успел освоить целую библиотеку присланных родными классических трудов по этнографии — Моргана и Тэйлора, Фрэзера и Леви-Брюля, Те Ранги Хироа и Элькина об аборигенах Австралии и др. Размышляя о прочитанном, «зэк Кабо» приходит к выводу и сообщает об этом в письме отцу: «Первобытная история и этнология заслуживают того, чтобы посвятить им свою жизнь <...> Меня интересует происхождение духовной культуры, как “на грани животного и человеческого” возникла она, какие были первые формы ее проявления».

Помимо этого, Владимир Рафаилович не упустил шанса провести научное наблюдение мира за колючей проволокой. Позднее, уже на воле, он напишет в статье «Тюрьма и общество: архетипы социального поведения»: «Мне была предоставлена возможность изучать лагерное общество оптимальным способом “погружения” в него — подобно тому, как изучает какое-нибудь африканское или океанийское племя этнолог, живущий в нем непрерывно несколько лет, завоевавший доверие туземцев и принятый в племя» [Кабо 2006: 45]. (В 1991 г. эта работа была опубликована в журнале “Canberra Anthropology”.)

Удивительное впечатление производят письма Владимира Рафаиловича домой «из неволи»: «Жить мне интересно <...> Здесь собрались самые блестящие умы советской столицы. Никогда бы не встретил я на свободе такого разнообразия человеческих типов»; «Недавно, перелистывая “Воскресенье” Толстого, я встретил такие слова: “Единственное приличествующее место для честного человека в России есть тюрьма”».

А Елена Осиповна, наблюдавшая за сыном во время приездов в лагерь и ведшая с ним постоянную переписку, писала в сентябре 1953 г.: «В твоём лице я видела человека, не разбитого четырёхлетним заключением, бодрого, ищущего, взволнованного, горящего желанием подыматься все выше и выше по пути научного мышления и личной морали <...> Тюрьма развращает слабых и закаляет сильных».

После смерти Сталина, в 1954 г., В.Р. Кабо был освобожден и реабилитирован. Усилием воли пять лет преодолевая ужасы лагерной жизни, признавался: «На воле, и уже всю оставшуюся жизнь мне будет сниться лагерь, из него не будет выхода, будет острое ощущение потери свободы, потери новой, непоправимой, по своей вине, и уже навсегда» [Кабо 2008: 65].

После реабилитации В.Р. Кабо вернулся в университет, последовал совету С.А. Токарева стать австраловедом, дипломную работу посвятил описанию хранящейся в МАЭ коллекции орудий труда, оружия и предметов культа аборигенов Австралии, собранной в 1903 г. А.Л. Яценко. А в 1957 г. Л.П. Потапов пригласил его работать в Лен. части Института этнографии. Владимир Рафаилович продолжил изучение каменных орудий аборигенов Австралии, опубликовал работу на эту тему и в 1962 г. защитил ее в Институте археологии в Ленинграде как кандидатскую диссертацию.

Владимир Рафаилович работал истово, объясняя это стремлением удержать беспощадное время. В 1969 г. появилась его

книга «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии». Обобщив результаты археологических исследований, он реконструировал историю аборигенов Австралии на протяжении нескольких десятков тысяч лет. (Когда писалась книга, данные абсолютной хронологии, основанные на радиоуглеродном анализе археологических находок, свидетельствовали о том, что заселение Австралии человеком началось не менее 30 тысяч лет назад. Недавние открытия показали, что люди обитали на севере Австралии около 60 тысяч лет назад.) Это была одна из первых попыток в научной литературе воссоздать историю аборигенов всего континента от его заселения до европейской колонизации. Австралийский журнал «Океания» напечатал очень доброжелательную рецензию лингвиста Капелла на книгу В.Р. Кабо. Заметили ее и аборигены Австралии, посвятившие ей статью в одном из своих журналов.

В 1970 г. в Москве Владимир Рафаилович защитил опубликованную книгу как докторскую диссертацию.

В 1975 г. вышла его книга «Тасманийцы и тасманийская проблема», посвященная происхождению коренного населения Тасмании, доказательству того, что тасманийцы являются ветвью австралийцев. В этой книге Кабо сформулировал мысль о значении общины в жизни первобытных охотников — как основной производственной и социальной ячейки этого общества.

В 1978 г. Президиум АН присудил В.Р. Кабо премию имени Миклухо-Маклая за две эти книги.

Изучением доземледельческой общины В.Р. Кабо занимался долго и методично. В 1968 г. он принял участие — статьей «Первобытная община охотников и собирателей» — в сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ», изданном по результатам работы методологического семинара в Институте всеобщей истории благодаря энергии Л.В. Даниловой. По мнению Кабо, появление этой книги ознаменовало собой выход нашей исторической науки на новые рубежи теоретической и методологической мысли.

По материалам поездки на Сахалин к нивхам, рыболовам и охотникам, написал статью «Община и род у нивхов». Итогом многолетней работы стала книга «Первобытная доземледельческая община» (М., 1986). В этой монографии В.Р. Кабо обобщает данные по охотникам и собирателям Тасмании, Австралии, Южной Азии, Африки, Северной и Южной Америки, а также данные археологии палеолита, которому посвящена особая глава. По мысли ученого, всестороннее изучение современных охотников и собирателей позволяет пролить свет

на культуру и социально-экономические отношения в эпоху палеолита, мезолита и раннего доземледельческого неолита. У всех этих народов, подчеркивает В.Р. Кабо, община — универсальная ячейка общественной структуры, причем археологические материалы позволяют говорить о том, что и в глубокой древности община занимала аналогичное место.

«Универсальность общинной организации на этом уровне развития общества, — писал В.Р. Кабо, — связана с жизненной необходимостью ее для общества в целом (его сохранения и стабильности в сложных естественных условиях) и для каждого члена в отдельности <...> Техническая вооруженность общества слишком низка, а зависимость от природных условий слишком велика для того, чтобы человек мог вести борьбу за существование, не объединяясь с другими людьми <...> Таким образом, община в условиях первобытного общества является оптимальной формой социальной адаптации, позволившей человеческому обществу сохраниться и освоить почти все экологические зоны земного шара» [Кабо 1986: 4–5].

В плане конкретизации своих теоретических положений В.Р. Кабо предложил выделить два типа родовой доземледельческой общины: 1) локально-родовая община, основанная на локализованном роде; 2) родовая гетерогенная община, состоящая из представителей нескольких нелокализованных родов [Кабо 1986: 270].

На моей памяти в кабинет Австралии и Океании Кунсткамеры приходил Даниил Гранин перед поездкой в Австралию — поговорить с Кабо. По возвращении, в книге «Месяц вверх ногами» Гранин писал: «Слушая его, я чувствовал, что он готов хоть на плоту, как Тур Хейердал, добираться до своей Австралии. Сколько возможных Миклухо-Маклаев, энтузиастов, мужественных, самоотверженных, несостоявшихся путешественников вынуждено проводить свою жизнь в таких комнатах, заставленных книжными шкапами».

В 1970 г. на Новую Гвинею и в Океанию отправилась экспедиция АН, в которой приняли участие этнографы, — Кабо среди приглашенных не было. С грустью и горечью напишет он позднее: «Шансов уплыть вместе с ними у меня не было никаких, ведь я не был обладателем такой же, как у них, безукоризненной анкеты и партийного билета, совсем напротив: в моем активе была только моя специальность — австраловедение и океанистика, были мои научные труды, но для экспедиции это было совсем не главное. Зато имелся целый набор вопиющих недостатков: я был евреем, да к тому же беспартийным, я сидел, а потом еще публично разоблачил секретного сотрудника

органов госбезопасности, наконец, у меня были плохие отношения с начальством» [Кабо 2008: 267].

Не удостоенный включения в когорту «выездных», Владимир Рафаилович ездил в социалистические страны по приглашению друзей-ученых — Петр Скальник пригласил его в Чехословакию, Фредерик Роуз в ГДР, Вольфганг Кениг в Лейпциг, Габор Вардяш в Венгрию. Побывал в Монголии. Но в Югославию по турпутевке не пустили.

Когда, наконец, в 1989 г. разрешили поехать в Париж на международную конференцию, он выступил с докладом о положении в советской науке о первобытном обществе — попытался рассеять впечатление монолитности советской теоретической этнографии. Коллеги его осуждали за это, но ведь Владимир Рафаилович был, что называется, «в своем репертуаре». В советское время Н.А. Бутинов и В.Р. Кабо слыли научными инакомыслящими, выслушивали обвинения в протаскивании взглядов реакционных буржуазных ученых. Им противостояла «тяжелая артиллерия» из московских ортодоксов, усиленная Ю.И. Семеновым, автором нашумевшей книги «Возникновение человеческого общества», о которой В.Р. Кабо говорил, что она создана по классической схеме — с первобытным человеческим стадом и матриархатом, но с таким размахом и эрудицией, на которые не были способны московские этнографы. По мнению Владимира Рафаиловича, книги Ю.И. Семенова, по существу, скорее фантастические романы из первобытной жизни в эффектной наукообразной форме. «Промискуитет, беспорядочные половые связи, бурные оргии коллективных жен и мужей — как только сумел он узнать все это?» — удивлялся В.Р. Кабо, сокрушаясь по поводу того, что в конце 1980-х гг. в сфере концептуальных построений советская история первобытности все еще вращалась в кругу понятий столетней давности. В.Р. Кабо считал, что «с появлением Семенова догматизм, свойственный советской истории первобытности, не отталкивал больше своей провинциальной заскорузлостью, он был поднят на новую еще невиданную ступень — он стал полнокровным мифом». Свой собственный вклад в отечественную науку В.Р. Кабо видел в борьбе против научного мифотворчества, в восстановлении доверия к этнографическому факту, в стремлении реабилитировать историю первобытного общества как науку [Кабо 2008: 267].

В 1990 г. по приглашению Института по изучению аборигенов В.Р. Кабо со своей второй женой Еленой Говор отправился в Австралию. Когда пришло время возвращаться в Москву, оказалось, что профессора Австралийского Национального университета Харри Ригби и Ален Мартин добились пригла-

шения Елены в аспирантуру, и супруги остались в Австралии. У них родился сын Ральфи. Е. Говор, с детства «заболевшая» Австралией, издавшая в России каталоги всех работ на русском языке об Австралии и Океании, успешно продолжила научное творчество в Австралии, прославилась книгой “My Dark Brother” (действительно замечательной — см. мою рецензию в ЭО. 2003. № 4) и другими солидными публикациями.

Заключительный этап творчества В.Р. Кабо связан со стремлением «подняться от социально-экономического фундамента первобытного общества к вершинам его духовной жизни» [Кабо 2008: 53]. В Канберре в 2002 г. он издал две книги — «Происхождение религии. История проблемы» и «Ванджина и икона. Искусство аборигенов Австралии и русская иконопись», а в 2006 г. — собрание эссе «Вечное настоящее» о роли древних архетипов в формировании сознания и поведения людей на протяжении истории. В 2007 г. в Москве издательством «Восточная литература» была опубликована начатая им еще в России и законченная в Австралии книга «Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности», основная часть которой посвящена реконструкции первобытного религиозного сознания в его становлении и развитии.

В австралийский период жизни В.Р. Кабо написал мемуары «Дорога в Австралию» — они были изданы первый раз в США на русском и английском языках. В 2008 г. второе издание книги (с некоторыми изменениями по сравнению с первоначальным текстом) было выпущено издательской фирмой «Восточная литература» в Москве. Это очень талантливое, сильное, но резкое произведение, запечатлевшее несколько десятилетий российской жизни и содержащее размышления о судьбах России ученого-интеллектуала, прошедшего сквозь многие испытания, уготованные этим временем ему лично и миллионам его сограждан.

Рассказывая в своих воспоминаниях о встрече со скалой Улуру в Центральной Австралии — той, что для аборигенов является центром их мироздания, в пещерах которой совершают и сегодня обряды инициации юношей, где высоко над вытекающим из скалы источником в смертельной схватке изображены две змеи, а в водоеме обитает прародительница аборигенов анангу змея Ванампи, Владимир Рафаилович завершает книгу словами: «И как знать, быть может, и моя душа вернется когда-нибудь к источнику в скале, к змее-прародительнице Ванампи».

Будем надеяться, что эта мечта Владимира Рафаиловича сбудется.

Елена Иванова

Библиография

- Кабо В.Р.* Дорога в Австралию. М.: Восточная литература, 2008. 296 с.
- Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 302 с.
- Кабо В.Р.* Тюрьма и общество: архетипы социального поведения // Кабо В.Р. Вечное настоящее. Канберра: Алчеринга, 2006. С. 45–83.